СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XC, № 4.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1911 ГОДА.

Отчетъ и рецензія.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1913 г.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ*.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1911 года

Ординарнымъ Академикомъ Н. А. Котляревскимъ.

На XIX-й конкурсъ по соисканію премій имени А. С. Пушкина въ настоящемъ году поступили отъ тридцати двухъ авторовъ разнаго рода литературныя произведенія какъ въ печатномъ видѣ, такъ и въ рукописномъ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Поступило: двадцать девять сборниковъ стихотвореній (двадцать четыре оригинальныхъ и пять переводныхъ); десять — драматическихъ и десять разнаго рода беллетристическихъ произведеній въ прозѣ.

Для разсмотрѣнія всѣхъ означенныхъ произведеній, согласно § 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина была образована Комиссія, въ составъ которой вошли ординарные академики: А. А. Шахматовъ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, В. И. Ламанскій, А. И. Соболевскій, Н. А. Котляревскій, поч. академики: К. Р., А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій и приглашенные въ качествѣ членовъ Комиссіи, рецензенты литераторы В. П. Буренинъ, А. А. Измайловъ, Н. К. Кульманъ, П. М. Невѣжинъ и П. А. Ровинскій. Поч. акад. проф. А. Н. Веселовскій, проф. С. И. Собо-

левскій, проф. П. С. Поповъ, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, проф. Н. А. Гиляровъ, Ю. А. Веселовскій, и орд. академики: Ѳ. Е. Коршъ и В. М. Истринъ, не могшіе принять непосредственнаго участія въ дѣлахъ Комиссіи, прислали свои рецензіи.

Изъ всего числа сорока девяти поступившихъ сочиненій, на конкурсъ могли быть приняты только сорокъ.

Подверглись исключенію: 1) семь литературныхъ трудовъ, неудовлетворявшихъ § 10-му Правилъ о преміяхъ имени А. С. Пушкина, какъ доставленныя по истеченіи трехъ или болѣе лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ, и 2) два труда не удовлетворявшихъ § 9-му Правилъ, такъ какъ были представлены въ рукописномъ видѣ.

Изъ оставшихся сорока сочиненій одобреніе Комиссіи, постановляющей рѣшеніе о присужденіи Пушкинскихъ премій, въ текущемъ году, получили лишь сочиненія А. М. Ѳедорова, а именно: 1) Стихотворенія 1909. 2) Сонеты 1906. 3) Разсказы 1908. 4) Разсказы 1909.

Приводимъ полный отзывъ г. рецензента В. П. Буренина объ этихъ премированныхъ сочиненіяхъ.

А. М. Ѳедоровъ. *Стихотворенія. Изданіе 2-е. Спб. Сонеты. 1906. Разсказы. 1908. Разсказы. 1909.*

Г. Ѳедоровъ заявилъ себя въ литературѣ какъ поэтъ, беллетристъ и драматургъ. По нѣкоторымъ сторонамъ своего таланта и по идейнымъ настроеніямъ онъ примыкаетъ къ той школѣ молодыхъ авторовъ, которая въ послѣднее десятилѣтіе отличалась довольно сомнительнымъ новаторствомъ и въ поэзіи и въ беллетристикѣ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что дурныя качества этой школы коснулись г. Ѳедорова въ незначительной степени, и его поэтическія и беллетристическія работы во всякомъ случаѣ могутъ быть причислены къ достаточно талантливымъ, выдающимся и заслуживающимъ вниманія и одобренія.

Въ двухъ стихотворныхъ сборникахъ, представленныхъ г. Ѳедоровымъ, заключается его лирика. Современные поэты вообще мало склонны къ стихотворнымъ произведеніямъ въ эпическомъ родѣ. За немногими исключеніями, они почти не даютъ крупныхъ поэмъ и ограничиваются лирическими пѣснями. Г. Ѳедоровъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ примѣрамъ другихъ своихъ сотоварищей: въ первомъ сборникѣ онъ предлагаетъ болѣе сотни лирическихъ пьесъ различнаго характера по внѣшнему содержанію, во второмъ двадцать два сонета.

Несмотря на разность содержанія лирическихъ пьесъ г. Ѳедорова, онѣ, въ сущности, довольно однообразны. Почти въ каждой пьесѣ поэтъ вдохновляется какимъ либо явленіемъ въ природѣ и пріурочиваетъ его къ какому либо настроенію своихъ чувствъ или къ какому либо субъективному событію и образу. Въ этомъ поэтически-субъективномъ созерцаніи и воспроизведеніи явленій природы сквозитъ порою настоящая искренность, теплота и задушевность, проявляется живо соотвѣтствіе между

картинами явленій природы и внутреннимъ міромъ поэта. Но по большей части, однако же, онъ притягиваетъ свой лиризмъ къ изображаемымъ имъ картинамъ и явленіямъ природы нѣсколько внѣшнимъ, искусственнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого только немногія его вдохновенія оказываются выдержанными въ поэтическомъ отношеніи и вполнѣ изящными и проникновенными. Значительная же часть лирики страдаетъ холодностію, невыдержанностью въ общемъ настроеніи и ненужными, излишними подробностями, не только не изящными, но даже нерѣдко вульгарными и странными. Впрочемъ это недостатокъ общій всей современной школѣ поэтовъ, которая принимаетъ прозаичность подробностей за сущность новаторства, тогда какъ это только результатъ отсутствія эстетическаго вкуса и изученія поэзіи.

Для наглядной иллюстраціи тѣхъ недочетовъ и недостатковъ поэзіи г. Ѳедорова, о которыхъ идетъ рѣчь я приведу, напримѣръ, стихотвореніе «На весенней зарѣ». Тема этого стихотворенія, безъ сомнѣнія, настолько банальна, что почти у каждаго стихотворца, особенно изъ второстепенныхъ, можно встрѣтить посильную ея разработку. Но именно ради банальности темы я и беру пьесу: на такой избитой темѣ яснѣй могутъ сказаться съ одной стороны та доза оригинальности таланта, которой обладаетъ авторъ, а съ другой и характерные недостатки какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи разработанной имъ банальной темы.

На весенней зарѣ.

Весною, помнишь, на разсвѣтѣ,
Всю ночь въ дорогѣ проведя,
Мы были радостны, какъ дѣти,
Какъ послѣ теплаго дождя
Вся эта степь. Въ ушахъ звенѣли
Веселымъ звономъ бубенцы.
Зарею тучи заалѣли,

А первыхъ жаворонковъ трели
Будили утро, какъ гонцы.

Покуда намъ перепрягали
Въ деревнѣ тройку, мы съ двора
Къ большому озеру сбѣжали,
Собаки лаемъ провожали
Насъ у воротъ. Трава мокра
Была отъ дождика; съ долины
Былъ слышенъ свистъ перепелиный;
Въ деревнѣ жеребенокъ ржалъ,
И воздухъ весело дрожалъ.

Отъ заревой прохлады было
Свѣжо и сыро у воды.
Недвижно озеро застыло,
Но ужъ на немъ вились слѣды:
Тамъ — рыбы легкіе кружочки,
А здѣсь — царапины стрижа.
Какъ будто воду сторожа,
Стоялъ преважно гусь на кочкѣ,
Весь отраженъ въ водѣ до точки.

Другіе гуси шли съ луговъ,
Мелькая въ зелени далеко
Подобно нити жемчуговъ.
И все: вода, луга, осока,
И даже гусь на кочкѣ той,
Улыбкой алою зардѣлось;
И ты такою чистотой
Сіяла вся, что загорѣлась
Душа, и плакать мнѣ хотѣлось.

Я будто чувствовалъ тогда,
Что это счастье не вернется,

Что пошлость жизни насъ коснется,
И никогда я, никогда
Не встрѣчу вновь такой безгрѣшной
Зарю и юность, и тебя,—
Все, что слилось съ зарею вешней,
Чѣмъ я обласканъ былъ, любя...
Все, въ чемъ я чувствовалъ себя.

Почти въ каждой строфѣ этого стихотворенія, вообще недурного и достаточно прочувствованнаго, выраженія или неловкія или неточныя и большая часть этихъ неловкихъ и неточныхъ выраженій происходитъ отъ того, что поэтъ для характеристики своего настроенія подбираетъ слишкомъ много ненужныхъ мелочныхъ подробностей. Въ первой строфѣ поэтъ и его подруга конечно могли быть «радостны, какъ дѣти», но выраженіе «радостны, какъ степь» не особенно подходитъ въ данномъ случаѣ. Трели жаворонковъ «звенѣли, какъ гонцы». Почему какъ гонцы: развѣ гонцы звенятъ? И какъ могутъ трели быть гонцами? Во второй строфѣ рядомъ съ ржаніемъ жеребенка «веселое дрожаніе воздуха» очень неловкое сопоставленіе. Въ третьей строфѣ «царапины стрижа» и «гуся на кочкѣ», отраженнаго «до точки», тоже нельзя назвать удачными образами. Въ четвертой «другіе гуси» мелькающіе «подобно нити жемчуговъ»(?) и прежній гусь на кочкѣ, «зардѣвшійся улыбкой алою», и рядомъ съ этими гусями сіяющая чистотой подруга поэта и его «загорающаяся душа»—все это немножко комично. Послѣдняя строфа не лишена искренняго чувства, но въ заключительныхъ ея строкахъ риомы *тебя*, *себя* и *любя* звучатъ досадной банальностью.

Я указываю на эти явные недочеты и неловкости не ради критической придирчивости, а потому, что они не случайны, потому что они мелькаютъ во многихъ пьесахъ сборника и являются именно характерными недостатками поэтическихъ картинъ и настроеній автора. Было бы слишкомъ утомительно указывать эти характерные недостатки, перечисляя другія пьесы, и именно

для того, чтобы избѣгнуть такого неблагодарнаго и ненужнаго труда я выбралъ для отрицательнаго критическаго анализа стихотвореніе быть можетъ наименѣе удачное, но за то наиболѣе выразительно опредѣляющее слабую сторону поэтическаго таланта и стихотворной техники г. Ѳедорова.

Но, разумѣется, если бы въ сборникѣ г. Ѳедорова господствовала исключительно лирика съ столь явными недочетами формы и содержанія, то не стоило бы подробно останавливаться на приведенномъ примѣрѣ недостатковъ поэзіи автора. По счастію, въ этой лирикѣ среди значительнаго числа пьесъ недостаточно обработанныхъ можно указать на нѣсколько прекрасныхъ вещей, если и не вполнѣ выдержанныхъ, то все же свидѣтельствующихъ не только о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи, но даже въ извѣстной степени и о самобытности его вдохновеній, то есть такой чертѣ, которая наиболѣе драгоцѣнна въ творчествѣ каждаго поэта. Укажу, напримѣръ, на прочувствованную пьесу отчасти мистическаго характера «Островъ Мертвыхъ». Эта пьеса, несмотря на значительный объемъ — въ ней около ста строкъ — проникнута искреннимъ, глубокимъ лиризмомъ и, за исключеніемъ одного только выраженія («кормчій, какъ легкій дымъ»), въ немъ вполнѣ выдержано и внутреннее поэтическое настроеніе, и изящная форма.

Вотъ начало этой пьесы:

Я жилъ, ты умерла и нѣжно, какъ живая,
Покоилась въ цвѣтахъ и въ зелени, дитя,
Прекрасна, какъ цвѣтокъ, какъ ихъ сестра родная,
Такая жъ чистая, такая же нѣмая;
Казалось, смерть, какъ ихъ, взяла тебя шутя.

Я жилъ, ты умерла. Но правдѣ безнадежной
Отказывался умъ повѣрить. Безъ тебя,
Что мнѣ весь этотъ міръ, безумный и мятежный!
Пустое море волнъ, холодный вихорь снѣжный.
Я вѣрить не хотѣлъ, я такъ страдалъ, любя!

И въ милыя черты, цвѣтущія когда-то,
Я горестно глядѣлъ, пытаяся прочесть,
Куда твоя душа уходитъ безъ возврата,
Гдѣ этотъ вѣчный міръ блаженнаго заката?
О, какъ у нихъ хотѣлъ я вырвать эту вѣсть!

Застывшія черты загадочно молчали.
Прощальный лучъ упалъ въ открытое окно.
Прощальные псальмы торжественно звучали.
Дымились три свѣчи. Цвѣты благоухали:
И послѣ смерти жить имъ было суждено.

Но силою любви, но молніей страданья
Я сумракъ разогналъ и оживилъ черты,
И тайна ихъ была счастливѣе признанья;
И мнѣ открылась даль, гдѣ гаснутъ всѣ желанья:
Туда меня съ собой звала навѣки ты.

Такихъ прекрасныхъ и истинно поэтическихъ вещей въ сборникахъ стиховъ г. Ѳедорова наберется не два-три, а значительное количество. Этого, я полагаю, достаточно, чтобы признать въ авторѣ такихъ пьесъ если не крупнаго, то очень замѣтнаго поэта, особенно въ наше время, бѣдное настоящими поэтическими талантами и богатое шарлатанами искаженнаго и извращеннаго стихокропательства.

Какъ беллетристъ, г. Ѳедоровъ проявляетъ въ своихъ довольно многочисленныхъ произведеніяхъ талантъ живого разсказчика, пожалуй даже болѣе крупный и — если такое выраженіе не покажется страннымъ — болѣе умѣстный для него, чѣмъ талантъ поэта. Въ поэзіи требуется глубина созерцанія, глубина чувства и затѣмъ врожденное изящество и стройность всего духовнаго склада. Только эти качества даютъ поэту возможность и силу подняться на такую высоту выраженія образовъ и идей, на которой онъ можетъ быть признанъ истинно вдохновеннымъ «пѣвцомъ». Но для беллетриста, даже претендующаго

на нѣкоторую степень художественности, достаточно только одной живой наблюдательности, чтобы отражать картины дѣйствительности болѣе или менѣе реальпо и рельефно. Г. Ѳедоровъ одаренъ, безъ сомнѣнія, такой наблюдательностью. Горизонтъ, который онъ обозрѣваетъ при помощи этой наблюдательности, быть можетъ, не особенно обширенъ, — явленія жизни наблюдаются беллетристомъ довольно однообразно; но все же онъ видитъ и воспроизводитъ достаточно интересныя картины или, вѣрнѣе, картинки, и рисуетъ ихъ съ извѣстной долей беллетристическаго мастерства. Беллетристическая техника г. Ѳедорова должна быть признана болѣе выработанной, чѣмъ техника поэтическая, и въ ряду новыхъ романистовъ и разсказчиковъ онъ занимаетъ, кажется, болѣе видное положеніе, чѣмъ въ ряду поэтовъ. Оставляя въ сторонѣ его большія беллетристическія работы — «Подвигъ», «Камни», «Земля» и другіе, — и обращаясь только къ небольшимъ разсказамъ, пополняющимъ два сборника, представленные къ соисканію академической преміи, мы находимъ въ нихъ болѣе двадцати пяти разсказовъ — количество во всякомъ случаѣ достаточное для того, чтобы признать за авторомъ репутацію плодовитаго и живого разсказчика. Конечно, не всѣ изъ этихъ разсказовъ одинаково интересны и значительны по содержанію и иные представляютъ просто только анекдоты, разсказанные болѣе или менѣе умѣло и ловко. Но даже и въ такихъ анекдотическихъ разсказахъ сказывается довольно искусная обработка. Однако, представляя указанныя положительныя качества, разсказы талантливаго беллетриста, къ сожалѣнію, представляютъ и существенный недостатокъ. За немногими исключеніями, они и по сюжетамъ и по разработкѣ деталей нерѣдко уклоняются отъ правды, дѣйствительности и кажутся искусственными вымыслами. Уклоненіе отъ реальной правды ведетъ, конечно, къ отсутствію художественной простоты и искренности, къ растянутости, къ пріемамъ, тону и тенденціямъ того мнимаго новаторства, которымъ такъ пропитана беллетристика послѣдняго времени.

Тамъ, гдѣ г. Ѳедоровъ вѣренъ безыскусственной правдѣ жизни и черпаетъ тему и подробности разсказовъ очевидно изъ пережитыхъ воспоминаній, онъ приближается къ настоящей художественности. Таковъ, напримѣръ, коротенькій разсказъ «Съ матерью», которымъ открывается сборникъ разсказовъ г. Ѳедорова, изданный г. Буниным. Этотъ маленькій разсказъ положительно слѣдуетъ признать почти шедевромъ. Его содержаніе такъ просто и обычно, что можетъ быть передано въ нѣсколькихъ словахъ: мальчикъ, сынъ бѣднаго рабочаго, идетъ на богомолье со своей больной чахоточной матерью. По-видимому, трудно найти тему для разсказа болѣе примитивную. А между тѣмъ этотъ разсказъ производитъ глубокотрогательное впечатлѣніе: все въ немъ такъ правдиво и такъ прочувствовано; ни одного фальшиваго штриха, все сжато и просто и все жизненно въ этой художественной простотѣ и сжатости. Позволю себѣ привести двѣ-три выдержки:

«Волга близко. Пахнетъ водой и деревомъ. Это отъ лѣсопиленъ и дровяныхъ складовъ, которые начинаются тутъ.

Жалкая церковка стоитъ на пути, совсѣмъ на окраинѣ города. Церковь старообрядческая. Она уже давно покинута и разрушается. Въ выбитыя окна смотритъ оттуда пустота. Нѣтъ ничего печальнѣе покинутой и оставленной на произволъ времени и стихій церкви. Сколько тамъ было молитвъ, слезъ, человѣческаго горя и исповѣди простыхъ сердецъ! А теперь здѣсь воркуютъ дикіе голуби, да по ночамъ тоскуютъ круглоголовыя тихія совы.

Крестъ на ней еще цѣлъ. Старый восьмиконечный крестъ. Но про церковь уже ходятъ давно дурные слухи.

— Мама, отчего въ ней нѣтъ иконъ?

— Видишь, она почти уже вся обвалилась. И на стѣнахъ были нарисованы святые, да и отъ тѣхъ ничего не осталось. Все дожди смыли, да вѣтеръ стеръ, — печально отвѣчаетъ мать.— Тутъ, говорятъ, по ночамъ гробъ видятъ. Свѣчи горятъ вокругъ, и жалобно поетъ кто-то.

Мальчикъ пугливо озирается на провалы окопъ и, закрывъ на одно мгновеніе глаза, ясно представляетъ себѣ и гробъ и свѣчи. Его охватываетъ жуткій холодокъ. Онъ быстро открываетъ глаза и съ удовольствіемъ видитъ рядомъ мать, а надъ собою синее высокое небо и въ немъ — гудящій змѣй. Вокругъ длиннаго мочальнаго хвоста змѣя вьются ласточки, и ихъ щебетанье какъ-то остро вонзается въ воздухъ.

— Мама, Николку Сухова регентъ солистомъ сдѣлалъ. Онъ семь рублей жалованья въ мѣсяцъ получилъ. Пару турмановъ себѣ завелъ и еще камыша, да наплекаго переманилъ у Сладкаго. Теперь у него такая голубятня, какой и у самого дьякона нѣту. И въ училище пересталъ ходить, — все голубей гоняетъ.

— А отецъ его что же?

— Чего отецъ?

— Да вотъ, что онъ въ училище не ходитъ?

— Да что! Дралъ его недавно, какъ сидорову козу.

— Вотъ, какъ нехорошо отца-то не слушаться.

— А тебя, мама, за что отецъ бьетъ? Ты развѣ его тоже не слушаешься?

— Полно, Гриша, онъ теперь уже не бьетъ меня. И пить онъ сталъ меньше, слава Богу. Пилъ прежде... Ну, а пьяный человѣкъ все равно, что сумасшедшій... Онъ себя не помнитъ, — какъ бы старается оправдать она своего мужа. Люби его, миленькій, онъ добрый, хорошій. И слушайся его. И вотъ, какъ умру я, слушайся и люби.

— А ты не умирай, мама.

— Это, какъ Богу будетъ угодно, мой сыночекъ. Вотъ мы съ тобой будемъ Господа и Его святого угодника просить, чтобы исцѣлилъ меня отъ недуга, — слабо, почти безнадежно говоритъ она и кашляетъ и останавливается, и глаза ея отъ кашля наполняются слезами, и еще болѣе напоминаютъ гаснущія предразсвѣтныя звѣзды.

— Мнѣ бы только на ноги васъ поставить, — съ трудомъ выговариваетъ она.

Они идутъ тихо, то и дѣло останавливаясь, когда мать кашляетъ. Ихъ обгоняютъ разные люди съ котомочками за плечами, съ батожками въ рукахъ, которыми они мѣрно постукиваютъ о землю. Все больше старые, бѣдные люди. Есть и зажиточные, и молодые, но они не похожи на богомольцевъ. А богомольцы—это совсѣмъ особенные. Кажется, что они всю жизнь только и дѣлали, что ходили по святымъ мѣстамъ. Лица сѣрыя, точно запыленныя, глаза много повидавшіе на свѣтѣ. Они не нищіе, хотя и питаются Христовымъ именемъ. Нищихъ, такъ тѣхъ сразу можно отличить, по суетливости и искательно-вопросительному выраженію глазъ. Голоса у нихъ ноющіе, елейные, когда они протягиваютъ руку за милостыней, а между собою говорятъ недовольно и бранчливо.

— Какой теперь благодѣтель пошелъ — мелкота! Ни тебѣ уваженія, ни тебѣ страха. Я, намнясь, одного купца страшнымъ судомъ пугнулъ, за небреженіе милостыней, а онъ меня, за прошеніе милостыни, земнымъ судомъ стращаетъ.

— Такъ, такъ. То и дѣло про паспортъ спрашиваютъ. Особливо чиновники...

— Да ужъ ихъ взять на то... Трудныя времена. Хоть въ монастырь иди.

— Ну, нѣтъ, я еще на волѣ погуляю, — говоритъ калѣка, стукая своею деревяжкой о землю.

Мать съ сыномъ вышли на дорогу, идущую теперь по самому берегу Волги. Тутъ сразу какъ будто начался другой міръ.

Рѣка, хотя и прорѣзанная кое-гдѣ мелями, дышала привольемъ, и такимъ же привольемъ съ другой стороны дышала земля, то ровная, то волнистая, желтѣвшая щетиной убранныхъ хлѣбовъ и копьями срѣзанныхъ подсолнечниковъ, а чаще всего оживлявшая просторъ обширными бахчами, гдѣ зеленѣли большіе арбузы, дыни и громадныя золотыя тыквы, въ которыхъ чувствовалось что-то растерянное, какъ въ толстякахъ, не знающихъ, куда имъ себя дѣвать.

Богомольцы часто останавливались надъ рѣкою. Матери хо-

тѣлось пить, и Гриша съ жестянымъ чайникомъ сбѣгалъ къ рѣкѣ и набиралъ воды. Кроткій покой охватывалъ обоихъ; они тихо разговаривали между собою о томъ, о семъ, а потомъ опять шли шагъ за шагомъ, точно втягиваемые вдаль убѣгающей дорогой.

На одной бахчѣ хотѣли купить арбузъ, но бахчевникъ отказался взять у нихъ деньги.

— Пускай малецъ тамъ перекрестится за меня, — это дороже пятака будетъ стоить. Дѣтская молитва доходчива»...

Этотъ разсказъ въ «старомъ стилѣ», т. е. въ томъ, какой завѣщанъ нашей литературѣ великими мастерами, начиная съ Пушкина и оканчивая Толстымъ, ясно показываетъ, что авторъ обладаетъ живымъ художественнымъ талантомъ.

И невольно становится досадно, что г. Ѳедоровъ, какъ молодой беллетристъ, не оберегъ свой талантъ отъ позднѣйшихъ вліяній: тамъ, гдѣ онъ поддается этимъ вліяніямъ, онъ впадаетъ въ погоню за вымыслами мало остроумными, далекими отъ правды жизни и вслѣдствіе этого и отъ правды искусства. Вотъ, напримѣръ, тема разсказа въ новомъ стилѣ «Турниръ». Начинающій молодой и бѣдный художникъ задумалъ картину и пригласилъ натурщицу, красивую и тоже бѣдную дѣвушку, снискивающую себѣ пропитаніе тѣмъ, что она служитъ моделью. Художникъ полюбилъ натурщицу, она полюбила художника. Но дѣвушку соблазняетъ богатый меценатъ, и она покидаетъ художника. Картина, которую задумалъ художникъ, не удалась ему, не соотвѣтствовала тому художественному замыслу, какимъ мучился онъ, воспроизводя красивую натуру. Но когда любовница его покинула, говоря чуднымъ стихомъ Пушкина, — «мгновенно въ немъ проснулся геній», и онъ достигъ въ своемъ произведеніи того, чего желалъ: онъ воспроизвелъ на картинѣ образъ необычайной красоты.

«Въ городѣ и даже въ странѣ, — говоритъ авторъ — узнали объ этомъ чудесномъ произведеніи» и въ числѣ любопытныхъ,

желавшихъ взглянуть на картину, пришли какіе-то три «талантливѣйшихъ» поэта. Поэты восхищались удивительнымъ произведеніемъ и сказали другъ другу:

— Дѣвушка, изображенная здѣсь, всю жизнь снилась мнѣ какъ небесная невѣста, какъ моя вдохновительница-муза.

— А мнѣ кажется, что я видѣлъ эту красоту и нѣжность, но видѣлъ ее только въ цвѣтахъ, въ звѣздахъ, въ перламутровыхъ раковинахъ, которыя для жизни достаютъ съ глубокаго дна океана.

Третій ничего ни сказалъ, но онъ не сводилъ глазъ съ плѣнительнаго образа и былъ глубоко огорченъ, когда художникъ признался поэтамъ, что та, которая послужила ему моделью для этой картины, хотя и напоминаетъ чертами этотъ образъ, но душой своей далека отъ нея, и въ лицѣ ея нѣтъ и искры того свѣта, который привлекаетъ ихъ къ картинѣ.

Это еще болѣе разожгло желаніе поэтовъ. И у каждаго изъ нихъ явилась мечта написать поэму, достойную этой красоты.

— Если такъ, — предложилъ одинъ изъ нихъ, — давайте издадимъ эти поэмы вмѣстѣ, въ одной книгѣ. Несомнѣнно, это будетъ лучшее произведеніе каждаго изъ насъ. И мы, навѣрно, получимъ за нашу книгу тѣ деньги, которыя художникъ желаетъ получить за свою картину.

— А, что же дальше? — спросилъ другой.

— Мы будемъ поочередно владѣть ею.

— Нѣтъ, — сказалъ третій. — Это было бы такъ же немыслимо для меня, какъ уступать другому свою избранницу, хотя бы на одно мгновеніе. Лучше поступимъ, какъ рыцари, которые на турнирѣ съ оружіемъ въ рукахъ бились за избранную ими даму всенародно. Отдадимъ свои творенія на народный судъ, и пусть побѣдитель владѣетъ этой жемчужиной».

Вся эта исторія оканчивается тѣмъ, что побѣдителемъ оказывается младшій изъ поэтовъ. Художникъ долженъ ему отдать свою картину, но она такъ дорога ему, что онъ колеблется.

Поэтъ, жалѣя художника, оставляетъ у него картину и идетъ «въ свое жилище», гдѣ онъ ночью тоскуетъ по красотѣ, воспроизведенной на полотнѣ художникомъ, и чувствуетъ «пустоту». Вдругъ раздается стукъ въ дверь. Поэтъ говоритъ: «Войдите».—

«Онъ не повѣрилъ глазамъ. Или онъ спалъ? Она сошла съ полотна и вотъ стояла здѣсь, въ комнатѣ, наполненной золотистой мглой луннаго свѣта, и если бы не ея голосъ, онъ принялъ бы ее за видѣніе.

— Я пришла, чтобы преклониться передъ вами,—робко заговорила она.—Два чуда совершили вы: одно—сотворивъ свою поэму; другое — преобразивъ мою душу.

И съ рыданіями радости, которая въ сильныхъ проявленіяхъ своихъ не имѣетъ для выраженія своего другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, что даны ея родной сестрѣ скорби, она опустилась передъ поэтомъ на колѣни, благоговѣйно цѣлуя его руку.

Весь охваченный трепетомъ, онъ поднялъ ее и, взглянувъ прямо въ глаза, свѣтлые отъ радостныхъ слезъ, самъ повѣрилъ въ сотворенное имъ чудо. Великое безкорыстіе любви совершило то, чего не достигъ художникъ, и онъ, какъ побѣдитель, не нуждался болѣе въ отраженіи красоты, когда она сама стояла предъ нимъ».

Таково содержаніе разсказа. Если беллетристъ предполагалъ выразить тутъ какую-то «идею», то она оказывается очень смутной и, во всякомъ случаѣ, невѣроятный анекдотъ мало вяжется съ этой идеей. Беллетристъ, очевидно, вступилъ на путь малоосмысленныхъ «исканій» и «устремленій» въ модномъ стилѣ потерявъ, почву дѣйствительности подъ ногами. Блуждая въ туманѣ неудачной выдумки, онъ утрачиваетъ и жизненность художественно-правдиваго воспроизведенія и свѣжесть чувствъ. Приведенный разсказъ и въ цѣломъ и въ подробностяхъ холоденъ, вялъ и скученъ, какъ и всѣ другіе разсказы въ этомъ модномъ родѣ. Впрочемъ, такихъ неудачныхъ и натянутыхъ разсказовъ

въ сборникахъ г. Ѳедорова менѣе, чѣмъ удачныхъ и правдивыхъ, полныхъ наблюдательности и здороваго реализма.

Въ общемъ и въ своихъ поэтическихъ работахъ и въ беллетристическихъ г. Ѳедоровъ можетъ быть признанъ однимъ изъ замѣтныхъ талантовъ въ текущей литературѣ. Не предрѣшая рѣшенія академическихъ судей, я осмѣливаюсь подать свой голосъ за поощрительный отзывъ о стихахъ и разсказахъ г. Ѳедорова. Достоинства его таланта быть можетъ не особенно ярки. Недостатки художественной техники и содержанія его произведеній быть можетъ существенны. Но все же онъ представляетъ извѣстную величину среди современныхъ стихотворцевъ и беллетристовъ.

Комиссія по присужденію премій имени А. С. Пушкина присудила закрытой баллотировкой А. М. Ѳедорову *почетный отзывъ* имени А. С. Пушкина.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою признательность гг. рецензентамъ за написанные ими по особому его порученію критическіе разборы представленныхъ на конкурсъ сочиненій, постановило выдать установленныя Пушкинскія золотыя медали: почетнымъ Академикамъ А. Ѳ. Кони, Д. Н. Овсянико-Куликовскому, И. А. Бунину, В. П. Буренину, П. М. Невѣжину, Ѳ. Д. Батюшкову, А. А. Гилярову.